

М. М. Бенцианов

СЗИ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Россия. [Вит4@yandex.ru](mailto:Вит4@yandex.ru)

## ПОРУЧНЫЕ ЗАПИСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МОСКОВСКОЙ СЛУЖИЛОЙ ЭЛИТЫ

В статье ставится вопрос об изучении горизонтальных связей в среде московской служилой элиты в поручных записях первой половины XVI в. – по князе М. А. Глинском (1527 г.), князьям И. М. и А. М. Шуйским (1528 г.) и князе И. И. Пронском (1547 г.). На основании изучения личного состава поручителей показаны особенности взаимоотношения центральной власти с придворной аристократией и членами Государева двора. Поддержка со стороны Василия III и Ивана IV сыграла важную роль в решении поручителей поддержать М. А. Глинского и И. И. Пронского. В случае с менее известными в то время князьями Шуйскими при поиске поручителей на первый план выходили личные (родственные и поземельные) связи. Круг участников поручных записей во многом имел ситуативный характер и впоследствии не оказывал влияния на расстановку сил в политической борьбе. Отмечено постепенное расширение количества участников поручных записей. Эта тенденция получит более широкое распространение в 1560–1570-е гг.

*Ключевые слова:* Русское государство, аристократия, служилая элита, поручительство, поручные записи, политическая борьба, горизонтальные связи

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24–18–00416*

Лаконичность имеющихся источников существенно ограничивает возможность оценки горизонтальных связей в среде правящей служилой элиты Русского государства в XV–XVII вв. и определения степени их влияния на процессы политической борьбы между отдельными группировками внутри Боярской Думы и Государева двора. Важным источником в этой связи выступает комплекс поручных записей, сделанных по виднейшим представителям русской знати, заподозренным в возможности совершения измены. Первая из таких записей относилась к 1474 г. (поручная И. Н. Воронцова по князе Д. Д. Холмском в 250 рублей) и отражала уже сложившуюся процедуру. В договоре великого князя Василия Васильевича с его двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1434 г. встречается упоминание о «поручниках» князьях П. Д. Ряполовском и И. Засеке. С первого из них было взято 50 рублей, со второго поручительство было снято («на поруце во сте рублех»). Формуляр крестоцеловальной записи хранился в составе архива митрополичьей канцелярии. В 1477 г. архиепископ Феофил выступил поручителем по новгородским боярам<sup>1</sup>. Практика поручительства была хорошо известна и в западнорусских землях.

Прощение провинившегося вельможи включало в себя челобитье митрополиту, который затем вместе с другими иерархами Церкви «печаловались» и «ялись» великому князю. Помимо этого существовала практика сбора денежной «поруки» с широкого круга светских лиц, подкреплявшей духовное поручительство. Присяга верности, в свою очередь, оформлялась крестоцеловальной записью («грамотой подтверженной»).

Наибольшее число сохранившихся поручных записей относится ко времени правления Ивана IV. Последняя из них была взята в 1571 г. по князе И. Ф. Мстиславском. За несколько десятилетий XVI в. (с 1527 по 1571 г.) в качестве действующих лиц в сохранившихся поручных записях отметились несколько тысяч человек из разных социальных слоев<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 35–36; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1986. Ч. 1. С. 175–176; ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 306. ДДГ. С. 88.

<sup>2</sup> Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 8–79.

Несмотря на индивидуальную подоплеку каждого случая, общий анализ поручных записей дает возможность проследить динамику взаимоотношений центральной власти и приближенной к ней придворной аристократии с членами Государева двора, а в более поздние годы и с более широкими кругами служилых людей.

Характеристика поручных записей была дана С. Б. Веселовским, который, однако, ограничился общими наблюдениями, оставив детальное изучение «отношений родства и свойства, бытовых и служебных связей, отношений дружбы и соседства» будущим поколениям историков [Веселовский, 1963, с. 125]. Этот посыл остался нереализованным. Наблюдения других исследователей, которые затрагивали тему поручных записей, имеют частный характер. Среди них можно отметить высказанную Г. Н. Бибиковым гипотезу об «опричном» характере поручительств по З. И. Очине Плещееву и князе И. П. Охлябинине (1565/1566 г.), поддержанную В. Б. Кобриным и А. Л. Корзининым [Бибиков, с. 7–8; Кобрин, с. 13; Корзинин, с. 274; Зимин, 2001, с. 131–132]. Позднее А. Л. Корзинин доказывал существование «земских» поручных записей [Корзинин, с. 274].

Очевидна неполнота дошедшего до нашего времени комплекса поручных и крестоцеловальных записей. В случае с князем Д. Д. Холмским сумма поруки должна была составлять 2000 рублей и делилась на восемь лиц, каждый из которых должен был составить от себя отдельную запись. То есть, кроме записи И. Н. Воронцова, должно было существовать семь аналогичных документов. Князь Д. Д. Холмский был явно не единственным представителем аристократии, в верности которого сомневался Иван III. В Царском архиве сохранилось упоминание о поручных записях, взятых по князю Ф. И. Бельскому. Они были, видимо, оформлены в начале 1498 г. в связи с его возвращением из ссылки и последующим браком с Анной Рязанской. Не дошли до нашего времени известные по описи записи по И. И. Хабарове, Н. А. Фуникове, Н. Ю. Тютине, К. С. Мясоеду Вислого, И. Я. Чеботове, князе Д. Ф. Палецком и ряде других лиц. Всего же здесь под поручные и крестоцеловальные записи было отведено четыре отдельных ящика, а часть записей хранилась в составе других дел<sup>3</sup>.

Сравнивая крестоцеловальные записи князей Д. Ф. и И. Ф. Бельских 1524 г., логичным кажется существование аналогичной записи для их брата Семена. В записи Д. Ф. Бельского содержался пункт: «А учнут мне говорити братья моя Иван и Семен о Литовском отъезде». В записи у И. Ф. Бельского Семен также упоминался в том же контексте: «братья моя князь Дмитрий и Семен». Очевидно, что все трое Бельских находились под подозрением Василия III. В описи Царского архива кроме поручной записи, дошедшей до нашего времени, фигурировала также грамота «подручная и подтверженная» на князя М. А. Глинского<sup>4</sup>. Взятые в 1534 г. расспросные речи псковских беглецов в Литву свидетельствуют, что «на паруки» были отданы князь Д. Ф. Бельский, М. Ю. Захарьин и дьяк Меньшой Путятин. Упоминания об этих поручных записях отсутствуют в других источниках<sup>5</sup>.

Крестоцеловальные записи подкреплялись поручными записями. Как показал пример князя К. И. Острожского, бежавшего в Великое княжество Литовское в 1507 г., заступничество митрополита и «священного собора» не обеспечивало гарантий верности.

Большое число и широкий социальный охват поручных и крестоцеловальных записей не позволяют свести их происхождение к специфическим обстоятельствам «борьбы Москвы и Литвы за объединение русских земель», как считал П. С. Стефанович [Stefanovič]. В конце

<sup>3</sup> Государственный архив России. Опыт реконструкции (далее – ГАР) / Подгот. текста и комментарии А. А. Зимин. М., 1978. С. 47, 49, 66, 68, 69, 184, 197–202, 348, 351.

<sup>4</sup> СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 422, 424; ГАР. С. 49.

<sup>5</sup> Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 2002. Т. 6. С. 116.

XV столетия существовали и другие центры притяжения служилых элит. В записи царевича Петра (Худай-Кула) предусматривалась возможность его отъезда в Казань.

Крестоцеловальные записи могли составляться по конкретным поручениям великого князя. С переславских наместников князя М. В. Шуйского и В. М. Чертенка Заболоцкого в 1507/1508 г. была взята запись, что «им князь Ондреевых (Андрея Углицкого. – М. Б.) детей стеречи и над приставы смотрити». Поручная грамота по Н. Фуникове и другим лицам подтверждала их обязательства «послати в Новгород к ответу людей своих»<sup>6</sup>.

В середине XVI столетия поручительство имело широкое распространение в разных социальных слоях. За пределами Государева двора оно применялось в обязательствах по освоению земельных участков, уплате налогов, а также выступало гарантией надлежащего выполнения службы. С начала 1570-х гг. порука стала обязательным требованием для служилых «городов» [Бенцианов, 2019, с. 264–265, 267–285].

Механизм поручительства был достаточно сложным и вряд ли вписывался в единую схему. С. Б. Веселовский считал, что обязанность поиска поручителей лежала на самом опальном вельможе, который должен был договариваться с ними [Веселовский, 1963, с. 124]. Поручительство не требовало внесения залога. В 1562 г. в поручной записи по князе И. Д. Бельском встречается, однако, многозначительная формулировка «наши поручниковы головы во княж Ивановы (князя И. Д. Бельского. – М. Б.) головы места», которая предполагала увеличение ответственности. Позднее эта формулировка повторялась и в других поручных записях. Ее появление относится, видимо, к более раннему времени. В 1555 г. в Новгород была отправлена грамота с приказом взять «крепкую» поруку по находящемуся в тюрьме Пентее Бастанове. К поручителям предъявлялось то же требование: «ино на них пеня и их головы в его голову место»<sup>7</sup>.

Не сохранилось примеров привлечения к ответственности лиц, фигурировавших в поручных записях по представителям московской аристократии. В других случаях наказание могло быть вполне реальным. В 1555 г. поручители по попавшим в опалу корелянине Я. Бардине и сыне боярском Ратмане Белом были отправлены в Москву для выяснения обстоятельств дела и могли понести наказание вместе с ними. Сама порука носила пожизненный характер. Кобылицкие ямщики, поручители по Ратману Белому, должны были при потверждении сведений о его смерти получить обратно оформленные ранее поручные записи «безденежно»<sup>8</sup>.

Статус выручаемого лица, наличие у него покровителей, родственников, друзей и, конечно, близость к придворному окружению определяли правила игры при наборе необходимого числа поручителей.

Большое значение в этом вопросе имела позиция великокняжеской (царской) власти. Участие в поручных записях могло происходить под нажимом государя всея Руси, который инициировал процедуру прощения опального вельможи. Он же назначал сумму поруки, в зависимости от размера которой определялась сложность задачи. В некоторых случаях поручные записи имели формальный характер, например, по князе И. П. Охлябине и З. И. Очине-Плещееве. Суммы поруки по каждому из них составляли 2000 и 4000 рублей – значительно ниже установленного в середине 1560-х гг. уровня, что, несомненно, облегчало поиск потенциальных поручителей.

---

<sup>6</sup> ДДГ. С. 457, 471; ГАР. С. 156, 168.

<sup>7</sup> Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов. С. 15; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. С. 125.

<sup>8</sup> НИА Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – СПбИИ РАН). Кол. 2 (Коллекция актовых книг Археографической комиссии). Оп. 1. № 23. Л. 29 об.–32 об.

Набор поручителей в поручных записях по видным членам Государева двора отражал расстановку сил в среде московской аристократии. В этом отношении особый интерес представляют поручные записи первой половины XVI в. Всего от этого времени сохранилось три такие записи: запись 1527 г. по князе М. А. Глинском, запись 1528 г. по князьям И. М. и А. М. Шуйским и запись 1547 г. по князе И. И. Турунтае Пронском.

Многие задействованные в них лица, включая самих опальных вельмож, были активными участниками политической борьбы. При ослаблении центральной власти и борьбе боярских группировок в годы «вдовствующего царства» существующие внутри правящей элиты горизонтальные связи во многом определяли изменения состава Боярской Думы и придворного окружения.

### Поручная запись по князе М. А. Глинском

Первая дошедшая до нашего времени поручная запись была составлена в феврале 1527 г. по князе Михаиле Львовиче Глинском. Эта запись является примечательной сразу в нескольких отношениях. Возможности поиска поручителей у М. А. Глинского были весьма ограничены. Выехавший в 1508 г. на службу к Василию III вместе со своими многочисленными родственниками, соратниками и слугами, этот видный литовский выходец уже в 1514 г., после попытки бегства в Литву, попал в опалу и был «пойман». Переданный ему Малый Ярославец был отдан Василию Шемячичу. Из заточения М. А. Глинский был освобожден только в начале 1527 г., в связи с чем и была составлена поручная запись. Вряд ли в этих условиях он мог самостоятельно собрать необходимое число поручителей, тем более что до своего брака с Еленой Телепневой Оболенской (в том же 1527 г.) он не был связан с московской придворной знатью.

Не могли помочь ему и выехавшие с ним родственники и соратники. Опала 1514 г. затронула близких к нему лиц, среди которых был князь Д. М. Жижемский. Его братья Иван Мамай и Василий Слепой не отметились на служебном поприще. Пожалованная им Медынь перешла в великокняжеское ведение. Бывшие владения князя В. А. Глинского и его людей упоминались в 1515 г. в жалованной грамоте бывшему смоленскому боярину В. Я. Демьяновичу. В том же году в Медынском уезде жалованная грамота от имени великого князя была выдана Д. И. Мирославичу<sup>9</sup>. К 1522 г. оба брата М. А. Глинского уже умерли (В. А. Слепой – до февраля 1521 г.)<sup>10</sup>.

Сделанный по князе В. А. Слепом Глинском вклад в Троице-Сергиев монастырь был очень скромен – 18 рублей и серебряный ковш. Позднее упоминается «князь Васильева же вкладу» шуба соболя, оцененная в 16 рублей<sup>11</sup>.

Их сыновья в это время котировались не слишком высоко. Московские послы в 1522 г. при запросе об их судьбе в Литве должны были подчеркивать, что «нам их всех не упоминати». Персонально из них был выделен сын И. Мамай Олешка (Александр), который находился «у государя». При необходимости предусматривалась возможность их передачи в руки короля Сигизмунда.

Из когорты связанных с князем М. А. Глинским лиц лишь несколько человек получали до 1527 г. разрядные назначения. Среди них Я. Ивашенцев и М. А. Зверь (Зверь Зверев – «сестринец» М. А. Глинского). Судя по инструкции московским послам, довольно высоко оценивался также служебный статус П. Фурса и М. Семенова (Александрова)<sup>12</sup>. Ни один из новых

<sup>9</sup> Акты служилых землеладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 2002. Т. 3. С. 97; Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее – АРГ). М., 1975. С. 120.

<sup>10</sup> Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (далее – ВКТСМ). М., 1987. С. 49; ОР РГБ. Ф. 304/III (Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 169.

<sup>11</sup> Сборник русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 661, 663; ВКТСМ. С. 49.

<sup>12</sup> Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК 1475–1598). М., 1966. С. 70; Сб. РИО. Т. 35. С. 663.



литовских выходцев, включая самих князей Глинских, не присутствовал на свадьбе Василия III с Еленой Глинской. Все они отсутствовали и в поручной грамоте 1527 г.

Вряд ли при выборе жены Василий III руководствовался соображениями ее родства с сербским родом Петровичей (Якшичей) и стремлением заручиться поддержкой Михаила Глинского, «мужа исключительно удачливого и редкой опытности». Поручная запись была составлена спустя год после ее замужества. Покровительство родственникам она могла оказать позднее, утвердившись в статусе великой княгини<sup>13</sup>.

Готовность того или иного лица стать поручителем по М. А. Глинском ставила их перед непростым выбором. В будущем можно было рассчитывать на определенные преференции с его стороны. Как близкий родственник великой княгини, обладающий амбициями и опытом политической борьбы, он должен был войти в ближайшее окружение Василия III и надлежащим образом вознаградить за оказанную услугу.

Репутация М. А. Глинского была, однако, подпорчена попыткой его бегства к королю Сигизмунду. Далеко не все выходцы из Литвы, оказавшиеся на московской службе в первые десятилетия XVI в., сохранили верность «государю всея Руси». Среди именитых перебежчиков, вернувшихся на родину, были князь К. И. Острожский и Е. Дашкевич. Разорвал клятву верности также князь М. И. Мстиславский. В 1514 г. в Смоленске был раскрыт пролитовский заговор. Вряд ли у московского правительства имелись иллюзии о лояльности новых подданных. Донос Ф. Крыжина в 1523–1524 гг. о намерении бежать в Литву детей боярских из числа «литвы» («Глинского люди») вызвал расследование, материалы которого отложились в Царском архиве<sup>14</sup>. Среди самих Глинских вернулся на литовскую службу князь В. Б. Глинский [Бычкова, с. 296–297].

Риск отъезда М. А. Глинского был достаточно велик, что отразилось бы на лицах, взявших его на поруку. Трудно сказать, какие соображения перевешивали в каждом конкретном примере, но очевидно, что поиск поручителей не был в этом случае простой задачей.

Скорее всего, лица, ответственные за поиск поручителей, действовали при поддержке Василия III. Среди поручителей было представлено большое число близких к нему лиц. Среди них окольничие И. Г. Поплевин и М. В. Тучков Морозовы, тверской дворецкий М. Ю. Захарьин, рязанский дворецкий князь И. Ф. Палецкий, ясельничий В. И. Беззубый Ларионов, печатник И. И. Третьяков. К ним можно добавить М. М. Нагого, сына ловчего и Ф. И. Карпова, брат которого был оружничим. М. Ю. Захарьин и М. В. Тучков Морозов позднее были свидетелями завещания Василия III<sup>15</sup>.

Всю нижнюю часть списка отдельным блоком занимали видные дьяки – А. Ф. Курицын, Т. Ильин, М. М. Третьяк Раков, В. С. Племянников, Т. Ф. Михалков и Т. Г. Клобуков. Из них Т. Г. Клобуков участвовал в 1525–1526 гг. в процедуре поиска невесты для великого князя, а А. И. Курицын был среди группы лиц, ведавших детьми боярскими на свадьбе Василия III. М. М. Раков, в свою очередь, участвовал в розыске о Соломонии Сабуровой [Зимин, 1981, с. 238–239, 241–242, 245–246, 261, 265–266]<sup>16</sup>.

Общая сумма поруки в поручной записи 1527 г. составляла 5000 рублей. Эта сумма была заметно больше, чем в записи по князе Д. Д. Холмском 1474 г. и в хронологически близкой записи по князьям Шуйским 1528 г. – 2000 рублей. Более высокий размер суммы мог объясняться высоким статусом М. А. Глинского и одновременно обеспечивал достаточные финансовые

---

<sup>13</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 87, 191.

<sup>14</sup> ГАР. С. 47, 149; АСЗ. М., 2008. Т. 4. С. 386–388.

<sup>15</sup> ПСРА. М., 2004. Т. 43. С. 261.

<sup>16</sup> Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 116; Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475–1605). М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 196; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 87.

гарантии в случае измены этого «перемета». Поиск поручителей происходил, видимо, под уже обозначенную сумму.

Без учета бояр князей Д. Ф. Бельского, В. В. Немого Шуйского и Б. И. Горбатого (двое последних – свидетели завещания Василия III), которые выступали поручителями первого уровня, «выручая» этого опального вельможу у приставов, в процедуре было задействовано 47 человек. Только трое из них – И. И. Беззубцев, М. С. Старого Милюков и Тиша Михалков – отметились в следующем 1528 г. в поручной записи по князьям Шуйским.

Процесс сбора поручителей происходил, видимо, на протяжении достаточно протяженного времени. С. Герберштейн описывал несколько этапов освобождения М. А. Глинского. Первоначально с него были сняты оковы, и он был помещен под домашний арест<sup>17</sup>. С этого момента начался отсчет мероприятий по его освобождению. Длительностью процесса можно объяснить явное несоответствие порядка перечисления поручителей их служебному статусу. 24-е и 29-е места занимали в списке окольничие М. В. Тучков и И. Г. Поппевин. Еще ниже, на 37-м месте, был записан тверской дворецкий М. Ю. Захарьин, получивший в том же году звание боярина. Явно уступающие им в иерархии чинов дети боярские, подобные Ф. И. Карпову и И. М. Зворыкину, были отмечены значительно выше (13-е и 19-е места).

Компактное упоминание дьяков в поручной записи 1527 г. нарушает общую закономерность списка, где имена фиксировались без четкой привязки к социальному статусу, в зависимости от подтверждения того или иного лица поддержать М. А. Глинского. Их привлечение к этому мероприятию явно было произведено одновременно и централизованно. Вполне вероятно, что таким образом удалось быстро собрать остатки причитающейся суммы поруки, чтобы не затягивать поиск недостающих поручителей на неопределенное время. В комплексе сохранившихся поручных записей такая практика встречалась еще только в одном случае – в поручной записи 1547 г. по князе И. И. Турунтае Пронском, составлявшейся в сжатые сроки в преддверии казанского похода.

Отсутствовали в Москве к началу сбора поручителей, вероятно, И. В. Обляз Вельяминов, наместник в Стародубе в 1526 г. («воевода стародубский Иван Васильевич» из синодика Киево-Печерского монастыря)<sup>18</sup>, и И. В. Лошаков Колычев, служба которого была связана с Новгородом. Оба они были записаны внизу списка. Имя И. В. Обляза вклинилось в «блок» дьяков.

Персональный состав поручителей интересовал великокняжескую власть меньше, чем финансовая составляющая. Среди поручителей присутствовали лица, которые, видимо, отличались молодостью. Неизвестны были служебные назначения к началу 1527 г. у князей В. И. Шелухина Кубенского, А. М. Шуйского, Ф. И. Скопина Шуйского (с 1534 г.), И. С. Фоки Воронцова (с 1534 г.), князя Д. Ф. Палецкого (с 1540 г.), М. М. Нагого, В. И. Мансурова, Н. И. Колычева. Имена многих из них находились в верхней части списка<sup>19</sup>.

Лицам, ответственным за сбор поручителей, были известны намеченные мероприятия по последующей адаптации М. А. Глинского в состав правящей элиты. Связанные с этим брачные союзы планировались еще до момента его формального освобождения. Первое место в списке было отведено князьям В. Д и И. Д. Хомяку Пенковым. Осенью того же 1527 г. Мария Глинская, сестра великой княгини, стала женой И. Д. Хомяка (получил боярство в начале правления Елены Глинской). Инициатором этого брака, за счет которого Пенковы породнились с великокняжеской фамилией, стал Василий III – «пожаловал князь великий»<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. С. 88.

<sup>18</sup> Сб. РИО. Т. 35. С. 752, 759.

<sup>19</sup> РК 1475–1598. С. 84–85, 86, 100.

<sup>20</sup> ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 272.

Сразу после Пенковых в поручной записи фигурировали князь Ф. В. Овчина Телепнев Оболенский, дядя будущей жены Михаила Глинского Елены. Пенковы и Федор Овчина, в отличие от подавляющего большинства записанных ниже поручителей, были отмечены с отчествами на «вич». Не исключено, что таким образом подчеркивалась их близость к этому опальному вельможе (и к государю всея Руси). Именно они могли быть первыми, кто подтвердил согласие выступить в качестве поручителей.

Планируемый брак М. А. Глинского с Еленой Телепневой должен был обеспечить ему поддержку одного из самых могущественных на тот момент кланов московской аристократии. В 1527 г. трое Оболенских были боярами: И. В. Немой Телепнев (отец Елены), С. Д. Щепин и И. И. Щетина Стригин [Зимин, 1988, с. 49, 51, 54, 55]. Представители этого рода сохраняли родовые земли в Оболенском уезде и служили в составе собственной корпорации, что определяло высокий уровень их сплоченности. Нередко они несли совместную службу. В 1528 г. воеводами в Ростиславле, например, было сразу пятеро Оболенских [Бенцианов, 2021, с. 67, 138].

В январе 1526 г. на свадьбе Василия III «у постели» находились исключительно князья Оболенские, что подчеркивало их близость к семье великого князя. Среди них бояре И. В. Немой Телепнев, С. Д. Щепин и дети боярские Б. Д. Щепин, П. М. Репнин, О. Т. Тростенский, И. Ф. Овчина Телепнев, К. И. и Д. И. Курлетевы<sup>21</sup>. Выбор невесты для Михаила Глинского был, таким образом, далеко не случаен.

В поручной записи 1527 г. встречаются имена восьми представителей этого рода. Помимо уже отмеченного Федора Овчины поручителями стали К. И. Курлятев, братья Б. Д., Н. Д. и Д. Д. Щепины, О. Т. Тростенский, И. В. и А. В. Кашины. Известно также, что женой князя А. И. Холмского (3-й в списке поручителей) была Мария, дочь И. И. Щетины Стригина.

Союз с Оболенскими мог быть связан в том числе и с территориальной близостью Малого Ярославца с их родовыми владениями. Во время выезда этот город был пожалован М. А. Глинскому в «вотчину». В 1526 г. он принадлежал уже князю Ф. М. Мстиславскому, что не исключало, впрочем, возможности его возвращения прежнему владельцу. Поместья здесь принадлежали некоторым из бывших сподвижников и слуг Михаила Глинского.

Очень вероятно, что уже во время процесса поиска поручителей была достигнута договоренность о приобретении М. А. Глинским села Звягино Московского уезда (купчая составлена между 27 апреля и 1 сентября 1527 г.). Это было крупное владение, стоимость которого была оценена в 400 рублей. Все участники сделки входили в окружение Василия III. Продавцом был И. Г. Поппевин Морозов. Свидетелями являлись князь И. Ф. Палецкий, дьяк Е. И. Циплятев и постельничий Русин Семенов. Последний был близок с протопопом Василием Кузьмичом, духовником великого князя. Трое из них упоминались в записи 1527 г. И. Г. Поппевин и И. Ф. Палецкий являлись поручителями, а Русин Семенов выступал в качестве послуха<sup>22</sup>.

Не очень понятен был смысл продажи села Звягино для И. Г. Поппевина. Судя по другим земельным актам, он не испытывал недостатка в денежных средствах. Само это село (в его составе 10 деревень против девяти в купчей М. А. Глинского) было приобретено им несколько лет назад, в 1523/1524 г., у шурина А. Д. Владимирова за 410 рублей<sup>23</sup>.

Решение о предоставлении М. А. Глинскому статуса служилого князя было принято, скорее всего, позже его освобождения. В феврале 1529 г. московский посол Ф. Г. Афанасьев получил инструкции рассказать литовской стороне о судьбе этого вельможи. В соответствии с ними М. А. Глинский в 1528 г. находился в своей «отчине», в состав которой входили поволжские городки Юрьевец, Стародуб (Ряполовский) и Ряполов (отдельно). Его владение Юрьевцем от-

---

<sup>21</sup> РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 194.

<sup>22</sup> АРГ. С. 286–287; ОР РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты, копийные книги Троице-Сергиевой лавры). № 281. Л. 3.

<sup>23</sup> АРГ. С. 225–226, 270–271.

разилось в Царском архиве. А. А. Зимин считал, что этот город был дан М. А. Глинскому на правах кормления, хотя упоминание о «книгах города Юрьевца, что было за князем за Михаилом Глинским» подтверждает принадлежность ему этого города. Позднее, в казанском походе 1547 г., упоминались из Стародуба «Глинского люди». Возможно по этой же причине в дворовом списке 1542 г. племянники М. А. Глинского были записаны после рубрики «Стародубские»<sup>24</sup>.

В отличие от Оболенских в поручной записи 1527 г. фигурировало всего два представителя князей Стародубских: И. Ф. и Д. Ф. Палецкие, хотя именно представители этого многочисленного рода (не менее двух десятков во втором десятилетии XVI в.) должны были в первую очередь проявить себя в качестве поручителей. Отсутствовали здесь князья Мезецкие, обосновавшиеся в Стародубском уезде с начала века.

Двое князей Суздальских – А. М. Честокол и Ф. И. Скопин Шуйские (записаны друг за другом) – были младшими родственниками бояр В. В. Немого Шуйского и Б. И. Горбатого, которые «выручали» М. А. Глинского у Василия III и, скорее всего, действовали как их представители. Связь А. М. Шуйского и Б. И. Горбатого проявилась в 1534 г. Борис Горбатый «не восхоте отъехати ко князю (Юрию Дмитровскому. – М. Б.), но и ему (Андрею Шуйскому. – М. Б.) *возбраняше*» [Кром, с. 86–95]<sup>25</sup>.

Значительное число поручителей по М. А. Глинском поддержали его, видимо, как креатуру великого князя. После смерти Василия III, потеряв расположение великой княгини Елены, в 1534 г. он вместе с группой московской знати, включая его племянников, вновь оказался в заточении, где и умер в 1536 г. [Кром, с. 103–108]. Условия его содержания были довольно суровыми. Судя по отрывку следственного дела, его теще княгине Марии Телепневой Оболенской запрещалось передавать посылки дочери Елене, находившейся под арестом вместе с малолетним сыном Василием<sup>26</sup>.

После смерти Елены Глинской и начала боярского правления семья М. А. Глинского была освобождена, но не смогла вернуть принадлежавшие ей когда-то земли. В Стародубе-Ряполовском в 1538/1539 г. разъезд владений князей Мезецких производился подьячим Т. Офромеевым по «великого князя грамоте». В 1547 г. известны царские наместники стародубские<sup>27</sup>.

Упоминание в Царском архиве книг города Юрьевца свидетельствует, что этот город также был отобран у Михаила Глинского после опалы. В дальнейшем в источниках не встречается данных о связи Юрьевца с его семьей. В 1552 г. Юрьевец был передан царевичу Кайбуле (Абдулле Ак-Кубекову)<sup>28</sup>.

Несмотря на статус служилого князя, зафиксированный в Дворовой тетради<sup>29</sup>, сын М. А. Глинского Василий не имел, похоже, собственного «княжества». Из принадлежавших его отцу подмосковных владений село Звягино, завещанное в Троице-Сергиев монастырь, только в 1538 г. было отдано этой обители. До этого времени оно рассматривалось как великокняжеская собственность [Кром, с. 526]. Ошибочно мнение С. З. Чернова о передаче в конце 1540-х гг. князю В. М. Глинскому принадлежавшего ранее его отцу соседнего села Черкизово [Чернов, с. 466–468]. В межевой книге Троице-Сергиева монастыря 1557–1559 гг. Черкизово упоминается как поместье князя А. М. Курбского. Входившее в состав того же комплекса село Лошаково принадлежало И. Д. Волинскому. Упоминание В. М. Глинского отсутствует среди

<sup>24</sup> Сб. РИО. Т. 35. С. 775; ГАР. С. 62, 163; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 147.

<sup>25</sup> ПСРА. М., 1965. Т. 29. С. 11.

<sup>26</sup> Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 174.

<sup>27</sup> Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. С. 95, 135.

<sup>28</sup> ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 476.

<sup>29</sup> Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее – ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 118.



имен владельцев смежных с селом Звягино вотчин и поместий. Пожалование ему этих земель произошло в более позднее время<sup>30</sup>.

После смерти Елены Глинской, с которой у ее дяди был, по всей видимости, серьезный конфликт, у вершины власти московского правительства находились многие из бывших поручителей Михаила Глинского. Среди них был известный временщик А. М. Честокол Шуйский. Главами Боярской Думы в разное время были также В. В. Немой Шуйский и Д. Ф. Бельский. Очевидно, сам факт поручительства не имел далеко идущих последствий и не давал оснований для формирования более тесных союзов в кругу московской правящей элиты. Предсмертная просьба Василия III к членам Боярской Думы держать М. А. Глинского «за здешнего уроженца» не оказала на них особого влияния и в дальнейшем после смерти его державного покровителя перестала иметь значение [Кром, с. 48–51].

### **Поручная запись по князьям Шуйским**

Иной была ситуация с поручной записью по братьям князьям Иване Плетне и Андрее Честоколе *Михайловым* (без использования отчества с окончанием на «вич») Шуйским. Они принадлежали к фамилии, которая более полувека находилась на московской службе, хотя и только во втором десятилетии XVI в. получила представителей в Боярской Думе. Шуйские служили по корпорации князей Суздальских. В Тысячной книге и Дворовой тетради в этой рубрике упоминался сын А. М. Шуйского Иван<sup>31</sup>.

В сравнении с Оболенскими эта корпорация была менее многочисленной. Тем не менее входившие в ее состав потомки суздальских князей поддерживали связи друг с другом, что помогало им продвигаться по лестнице чинов. Без поддержки влиятельных родственников братьям Ивану и Андрею, сыновьям непримечательного князя М. В. Шуйского, не удалось бы сделать в будущем впечатляющую карьеру. В июне 1528 г. боярами были несколько князей Суздальских: В. В. Немой и, вероятно, его брат Иван Шуйские (упоминается как боярин в конце 1528 г.)<sup>32</sup>, а также Б. И. Горбатьи.

Существенно отличались и обстоятельства опалы, предшествующей поручной записи. В современных поручной записи источниках отсутствуют упоминания об опале на князей Шуйских. Судить о причинах их «поимания» приходится из сообщения Летописца начала царства (середина XVI в.). Рассказывая про попытку «измены» Андрея Честокола сразу после смерти Василия III, составитель летописи напомнил, что «и прежде бо того он отъезжал при великом князе Василии, и князь великий посылал по него и по брата его по князя Ивана, оба бо тогда отъезжали»<sup>33</sup>.

В этом случае явно имелись в виду события, предшествующие поручной записи 1528 г. В продолжение рассказа о князе А. М. Шуйском сообщается, однако, об освобождении братьев в первые дни после смерти великого князя, «понеже бо великая княгини тогда в велицей печали... и тако пожаловала, им опалы отдала». Таким образом, речь шла уже о последних годах жизни Василия III.

Доверяя сообщению Летописца начала царства, А. А. Зимин допускал сразу две опалы, которые постигли братьев в конце правления Василия III. В декабре 1533 г. к ним добавился еще и арест Андрея Шуйского [Зимин, 1988, с. 70]. В начале 1530-х гг. Шуйские отметились рядом воеводских назначений. Более правдоподобным в этой связи выглядит мнение М. М. Кро-

---

<sup>30</sup> РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. № 254. Л. 11, 12, 17, 21, 22; ОР РГБ. Ф. 303/1. № 534. Л. 14 об.–17.

<sup>31</sup> ТКАД. С. 64, 120.

<sup>32</sup> НИА СПб ИИ РАН. Кол. 238 (Коллекция Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 365. Л. 853.

<sup>33</sup> ПСРА. Т. 29. С. 10.

ма, который вслед за С. М. Соловьевым полагал, что к моменту смерти великого князя братья были на свободе, а описанная ситуация с их отъездом к Юрию Дмитровскому относилась к 1527–1528 гг. [Кром, с. 89–92].

По сложившейся практике поручная запись 1528 г. должна была подкрепляться крестоцеловальной записью. Тексты крестоцеловальных записей содержали прямой запрет на отъезды в уделы. В 1522 г. В. В. Немой Шуйский клялся «от своего государя великого князя Василья Ивановича всеа Руси и от его детей из их земли ... к его братье ни инуды никуды не отъехать и до своего живота». Подобное обязательство было повторено Д. Ф. и И. Ф. Бельскими, а также И. М. Воротынским. Прямые запреты переходить на службу в Дмитровский и Старицкий уделы содержались в записи 1532 г. М. А. Плещеева. В сокращенном виде это требование звучало и в поручной записи 1528 г., где поручители должны были выплатить оговоренную сумму, если князья Шуйские «отъедут или збежат»<sup>34</sup>.

Трудно предположить, что при жизни великого князя кто-то осмелился бы нарушить это требование, находясь в зоне прямой досягаемости его слуг, что делает маловероятной версию о попытке отъезда Шуйских к Дмитровскому князю в начале 1530-х гг.

Анализ поручной записи 1528 г. показывает, что в глазах великокняжеской власти их проступок не выглядел слишком уж предосудительным. Общая сумма поруки составляла 2000 рублей, то есть на каждого из них приходилось всего по 1000 рублей. Проведенное ими в заточении время также не было продолжительным. Арест братьев произошел после составления поручной записи по М. Л. Глинском (февраль 1527 г.), где А. М. Шуйский выступал в качестве поручителя. В июне 1528 г. они уже были «выручены» у пристава.

Свидетельство Летописца начала царства позволяет сузить период, когда произошло это событие. Шуйские были выданы посланникам Василия III князю Ю. Д. Пронскому и Е. И. Циплятеву. Дьяк Елизар Циплятев в начале 1527 г. находился в посольстве в Литву. Возвращение послов произошло только 27 апреля. В конце года Ю. Д. Пронский был назначен наместником в Смоленск. В декабре он писал в Москву о прибытии на границу литовского посланника. Предполагаемый отъезд братьев мог произойти в промежуток между 27 апреля и 27 декабря 1527 г.<sup>35</sup>

Братьям Шуйским принадлежали вотчины на территории Звенигородского уезда, входившего в Дмитровский удел. В середине XVI в. И. М. Шуйский владел здесь селом Раево. Совместно с племянником Иваном он распоряжался также смежным селом Симановским. Эти владения принадлежали, видимо, еще отцу братьев – М. В. Шуйскому<sup>36</sup>.

Дмитровский «побег» мог быть вызван излишней подозрительностью лиц из великокняжеского окружения. Юрий Дмитровский в этом эпизоде занял пассивную позицию: «князь же Юрьи нимала не пререкова от них, но вскоре их отда великого князя посланником»<sup>37</sup>.

Примеры демонстративного разрыва присяги и перехода на удельную службу великокняжеских слуг неизвестны в первой трети XVI в., а сам процесс таких переходов находился под контролем правительства [Бенцианов, 2021, с. 94–157]<sup>38</sup>.

Судя по последующей продолжительной службе старшего брата Ивана Плетья, умершего в 1560 г., в июне 1527 г. Шуйские находились в довольно молодом возрасте. Первое упомин-

<sup>34</sup> СГГД. Ч. 1. С. 414, 421, 423, 425, 448–450; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов. С. 11.

<sup>35</sup> Сб. РИО. Т. 35. С. 755, 760.

<sup>36</sup> Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. С. 18–21.

<sup>37</sup> ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 77–78.

<sup>38</sup> ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

вание об А. М. Шуйском было связано с поручительством по М. А. Глинском. В 1526/1527 г. он известен в качестве душеприказчика Антонида Басенковой<sup>39</sup>.

Не вызывает доверия сообщение частных разрядных книг о службе А. М. Шуйского воеводой на Угре в 1523/1524 г. Другим воеводой здесь был назван князь С. Д. Серебряный, который был отправлен воеводой в Казань<sup>40</sup>. Сам И. М. Шуйский не встречался в источниках до рассматриваемой записи. Оба опальных не успели обрасти связями в придворной среде.

Не стоит, однако, и слишком преуменьшать их молодость. После смерти упомянутой княгини Марии Пенковой (Глинской) князь И. Д. Хомяк вторым браком женился на дочери А. М. Шуйского Евдокии. Она умерла при жизни отца – до января 1544 г., и по ней был сделан вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь. Судя по записям соседних вкладов, «дача» А. М. Шуйского произошла в 1542/1543 г.<sup>41</sup>

В целом среди поручителей фигурировали скромные суммы. Средняя сумма поруки составляла 66,7 рубля и заметно уступала уровню поручной записи 1527 г. по М. А. Глинскому (106,4 рубля). Наибольшее распространение имела сумма в 50 рублей – 21 раз (52,5 %), в том числе у лиц, которые обладали в это время достаточно высоким социальным статусом: князья П. Д. и А. Д. Ростовские (100 рублей на двоих), Н. Б. Туренин, И. И. Беззубцев, М. А. Казарин Бурунов.

Многие поручители были молоды. Для некоторых из них это было первое упоминание в источниках: князья Д. Д. Щепин и П. И. Хованский, П. И. Житов, И. Г. Годунов, И. Т. и Г. Т. Бухарины Наумовы, И. М. и В. М. Тучковы Морозовы (Василий ранее упоминался в деле Максима Грека), Басалай Квашнин, И. Ушак Чемоданов Воропанов, Д. П. Ловчиков.

Братья Шуйские явно не могли рассчитывать на покровительство великого князя, как это было в случае с М. А. Глинским. В списке поручителей было всего несколько лиц, входивших в окружение Василия III: постельничий М. А. Казарин Бурунов и дьяк Т. Ф. Михалков. И. М. Чудин Карачаров в 1527 г. исполнял обязанности ямского дьяка. Он, скорее всего, также входил в круг близких к персоне великого князя людей, хотя и не первого порядка. На свадьбе с Еленой Глинской он вместе с братом И. Бакакой несли к церкви скамью и ковер. На свадьбе Андрея Старицкого 1533 г. он вновь «с ковры шол». Позднее Чудин получил известность как дьяк [Зимин, 1981, с. 240]<sup>42</sup>.

Другие поручители были еще более далеки от придворного окружения. Постельничим великого князя в 1509 г. был И. Д. Бобров. В последние годы своей карьеры он известен как глава писцовой комиссии по нескольким уездам. Обязанности постельничего в 1520-е гг. выполняли уже другие лица. Дьяком в 1528 г. был Колупай Приклонский, который лишь однажды в этом качестве подписал правую грамоту<sup>43</sup>.

Полноценная поддержка не была оказана Ивану Плетню и Андрею Честоколу со стороны однородцев князей Суздальских. Ни один представитель этого рода не присутствовал здесь в качестве поручителя, хотя Б. И. Горбатый, к которому позднее, в 1534 г., обращался А. М. Шуйский, был среди бояр, которые «печаловались» за них Василию III.

При отсутствии целевой помощи от великокняжеской власти и влиятельных членов клана князей Суздальских возрастала роль личных связей. Сохранившиеся источники дают не слишком подробную информацию о землевладении братьев. Им принадлежали смежные вот-

---

<sup>39</sup> АРГ. С. 285.

<sup>40</sup> РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 189; РК 1475–1598. С. 69.

<sup>41</sup> Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1906. Вып. 5. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 30.

<sup>42</sup> РИБ. СПб., 1898. Т. 17. Ст. 81; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 195–196.

<sup>43</sup> РК 1475–1605. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 113; АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. С. 197.

чины в Звенигородском уезде. А. М. Шуйский владел поместьями в Клинском и Можайском уездах, которые могли быть получены им уже после 1528 г. Ему также принадлежала купля село Петровское в Суздальском уезде<sup>44</sup>. Его брат Иван к концу жизни распоряжался вотчинами в Переславском и Ростовском уездах и поместьем в Тверском уезде<sup>45</sup>.

Тверское поместье было пожаловано И. М. Шуйскому во второй половине 1530-х гг. из фонда «черных» земель. Большинство его вотчин не относились к числу наследственных владений Шуйских. В Переславском уезде сельцо Ковырево было приобретено И. М. Шуйским в 1550-е гг. В конце 1530-х гг. дьяку И. А. Шамскому еще принадлежало сельцо Михово. Интересна история сельца Шумеево в Ростовском уезде. Переданное по вкладу в Ростовский Борисоглебский монастырь, оно было выкуплено А. В. Бреховым, который, очевидно, обладал на него правами родового выкупа. Бреховы, вероятно, были близкими родственниками Ивана Плетня. Обе эти семьи были соседями по владениям в Звенигородском уезде. Там за А. В. Бреховым в середине XVI в. числилась вотчина с тем же названием – полсельца Шумеево, которая ранее принадлежала его отцу Василию. Вотчины же основателя этой фамилии Ивана Никифорова Бреха Басенкова известны в Звенигородском уезде на рубеже XV–XVI вв.<sup>46</sup>

Андрей Честокол также имел какие-то связи с братом И. Н. Бреха Иваном Боярином. В 1526/1527 г. он был душеприказчиком его жены Антонида. Вероятным в этой связи кажется предположение о браке отца братьев Шуйских князя Михаила с сестрой Ивана Бреха и Ивана Боярина.

Этот гипотетический брачный союз был вполне логичен. И. Брех и И. Боярин – внуки «удалого воеводы» Василия Темного Федора Басенка, бывшего в 1450-е гг. суздальским наместником [Веселовский, 1969, с. 439–440]. Его сын Никифор был держателем села Нельша Суздальского уезда. Он считался весьма состоятельным человеком. В 1480 г. хан Ахмат просил отправить его к себе послом, «той бо Микифор был в Орде и многу алафу татаром даст от себе»<sup>47</sup>.

Шуйские в последние десятилетия XV в. продолжали распоряжаться остатками родовых земель в Суздальском уезде. Они поддерживали связи с местными монастырями и соборами. В синодике Спасо-Евфимьева монастыря находились поминания родов князя Михаила Васильевича, Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских. После убийства псарями тело князя Андрей Честокола было отправлено в Суздаль, «где их родители кладутца»<sup>48</sup>. Захоронения А. М. Шуйского и его отца Михаила расположены в некрополе Богородице-Рождественского собора.

Косвенно родство Басенковых и Шуйских подтверждается упоминанием княжеских имен в поминании Басенковых в синодике московского Успенского собора и в синодике ризницы Троице-Сергиева монастыря [Веселовский, 1969, с. 440]<sup>49</sup>.

<sup>44</sup> РГБ. Ф. 303/І. № 539. Л. 270–273; Антонов А. В. Клинские акты XV–XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 78; РГАДА. Ф. 1209. № 10816. Л. 569; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. С. 124.

<sup>45</sup> Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 428, 430; Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков. М., 2019. Т. 3. Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века С. 401; Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 17.

<sup>46</sup> Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 13. С. 183–184; Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков. Т. 3. С. 28–29; Материалы для истории Звенигородского края. С. 20–21; ДДГ. С. 380.

<sup>47</sup> АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 519; ПСРА. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 346.

<sup>48</sup> АСЗ. М., 1997. Т. 1. С. 176; ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 387. Л. 54 об., 55; ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 27.

<sup>49</sup> ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 129 об.



Сельцо Шумеево в Ростовском уезде, вероятно, было дано в приданое еще М. В. Шуйскому. В таком случае становятся объяснимы «ростовские» следы поручной записи 1528 г. Вотчины в Ростовском уезде принадлежали Б. И. Горбатову. Сразу несколько поручителей, как и И. М. Шуйский, были связаны с ростовским Борисоглебским монастырем. Князья Ростовские в списке поручителей занимали первые места. А. Д. Ростовский сделал в Борисоглебский монастырь несколько денежных вкладов, а позднее постригся сюда в монахи с именем Адриан<sup>50</sup>. Скорее всего, связи между князьями Ростовскими и Шуйскими имели более тесный характер.

Вкладчицей Борисоглебского монастыря была Фотиния, вдова князя Д. Д. Пронского, третьего из поручителей. Послухом в Ростовском уезде в купчей у Б. И. Горбатого был Ф. Ф. Терпигорев<sup>51</sup>.

Обращает на себя внимание также судьба половины села Махры в Переславском уезде. Эта вотчина была получена И. М. Шуйским в приданое за его женой, родственницей (сестрой?) Г. Д. Ловчикова. Сыновья этого опричника в 1570-е гг. дали ее вкладом в Троице-Сергиев монастырь. К ним она вернулась, скорее всего, по завещанию Ивана Плетья<sup>52</sup>.

С первым браком И. М. Шуйского связано, вероятно, упоминание его тестя Д. М. Ловчикова среди поручителей. Вотчинниками Переславского уезда были также Михалковы (Т. Ф. Михалков), Нагие (Ф. М. Нагой) и Чемодановы Воропановы (И. Ушак Чемоданов). По Переславлю в 1542 г. был записан Д. И. Волинский<sup>53</sup>. Связи Шуйских с землевладельцами Переславского уезда могли появиться в результате длительного пребывания М. В. Шуйского на переславском наместничестве, где он «стерег» детей Андрея Углицкого<sup>54</sup>.

Среди поручителей по князьям Шуйским отметился князь Д. М. Жижемский, соратник М. А. Глинского, что могло рассматриваться как ответная благодарность за его участие в поручной записи 1527 г.

Невысокий социальный статус большинства поручителей отражал место братьев в придворной иерархии. Их отец М. В. Шуйский упоминался в разрядах только один раз. В 1495 г. в свите Ивана III он был записан первым среди князей Суздальских. Служба наместником в Переславле не отразилась на его продвижении по лестнице чинов. Второй переславский наместник В. М. Чертенюк Заболоцкий выполнял поручения, свойственные членам Государева двора невысокого ранга [Зимин, 1988, с. 69, 246].

Возможно, именно отсутствие перспектив карьерного роста стало причиной неудавшейся попытки (если она имела место) перейти на службу к Юрию Дмитровскому. Стремительный и не обоснованный предыдущими назначениями взлет братьев по лестнице чинов произошел уже после смерти Елены Глинской. Оба они стали боярами. Очевидно, что эти назначения были получены ими благодаря родственникам В. В. Немому и И. В. Шуйским, получившим преобладание в Боярской Думе [Кром, с. 232–236].

Приход к власти Шуйских не слишком сильно отразился на судьбах поручителей из поручной записи 1528 г. В 1543 г. боярином стал Д. Д. Пронский, окольникович – И. И. Беззубцев. Связь этих пожалований с принадлежностью названных лиц к партии Шуйских вызывает опре-

---

<sup>50</sup> АСЭИ. Т. 1. С. 564–565; ВКТСМ. С. 102; Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. С. 9–10.

<sup>51</sup> Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. С. 10–11; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 564–565.

<sup>52</sup> Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 827; РГАДА. Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии). Переславль Залесский. № 8973, 8976.

<sup>53</sup> АСЗ. М., 1998. Т. 2. С. 256; ТКДТ. С. 138–140; РГАДА. Ф. 281. Переславль Залесский. № 8805; Сб. РИО. Т. 59. С. 148–149.

<sup>54</sup> ДДГ. С. 457, 471; ГАР. С. 156.

деленные вопросы [Кром, с. 287]. Сумма поручительства И. И. Беззубцева составляла всего 50 рублей. Вряд ли эта сумма была основанием для долговременного политического союза.

За полтора десятилетия, прошедших с момента составления поручной записи, круг сторонников братьев Шуйских радикально изменился. Среди активных участников событий сентября-декабря 1543 г. фигурировали другие лица. Царственная книга ближайшими сподвижниками А. М. Шуйского считала его родственника князя Ф. И. Скопина-Шуйского, а также князя Ю. И. Темкина и И. (Фому) П. Головина, которые были отправлены в ссылку после его убийства<sup>55</sup>.

В целом, как и в случае с М. А. Глинским, поручная запись по князьям Шуйским отражала конкретную ситуацию, сложившуюся в начале их карьеры, и не имела далеко идущих последствий для ее участников.

### **Поручная запись по князе И. И. Турунтае Пронском**

Поручная запись, взятая в 1547 г. по князе И. И. Турунтае Пронском, интересна в нескольких отношениях. Эта поручная запись сохранилась вместе с крестоцеловальной записью, которая значительно расширяла список возможных «измен». Помимо традиционного отъезда в Литву или к удельным князьям, в ней подробно расписывались другие возможные варианты, включая гипотетические переходы на службу к папе римскому, цесарю, угорскому (венгерскому) и французскому королям, а также в Крым, Ногаи, Астрахань и Казань<sup>56</sup>.

Князья Пронские, выходцы из рязанского княжеского дома, претендовавшие на титул «великих князей», во второй половине XV в. перешли на службу в Великое княжество Литовское. Некоторые из представителей этого рода в конце столетия оказались в Москве, где быстро заняли достаточно высокое положение. Дмитрий Андреевич Пронский, недавний литовский выходец, вместе с сыновьями был записан в синодик московского Успенского собора<sup>57</sup>. Его сын Иван, отец И. И. Турунтае, в 1500 г. был записан в верхней части списка детей боярских «в поезде» на свадьбе князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии. С начала XVI в. Пронские регулярно встречаются в разрядах, а к 1529 г. один из них – Ю. Д. Пронский – уже упоминался в качестве боярина [Зимин, 1988, с. 116–117].

Обстоятельства опалы Ивана Турунтае известны из сообщений Летописца начала царства и Продолжения Хронографа редакции 1512 г. В начале ноября 1547 г. он вместе с князем М. В. Глинским «побяжали в Литву» из своих ржевских сел. Попытка побега была подготовлена заранее. С ними ехали жены, а также мать Глинского Анна. Организованная погоня заставила их вернуться в Москву, где они были схвачены. Благодаря заступничеству митрополита Макария беглецы получили прощение. Иван IV «вину им отдал и велел их отдавати на поруки»<sup>58</sup>.

Вотчины беглецов должны были быть конфискованы. Последнее требование было, похоже, реализовано лишь частично. В поручной записи предусматривалась возможность изъятия имущества Ивана Турунтае («животы и статки и села») в случае его «вины», хотя эта формулировка и могла иметь шаблонный характер<sup>59</sup>. В начале 1548 г. в ведение царя и великого князя перешло село Кулибакино в Звенигородском уезде, принадлежавшее ранее И. И. Пронскому.

<sup>55</sup> ПСРА. Т. 13. Ч. 2. С. 444.

<sup>56</sup> СГДА. Ч. 1. С. 454–457.

<sup>57</sup> ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667. Л. 61.

<sup>58</sup> ПСРА. Т. 29. С. 54–55.

<sup>59</sup> Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // ИА. М.; Л., 1951. Т. 7. С. 293; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов. С. 14.

В конце 1550-х гг. он владел в том же уезде селом Васильевское и селцом Петровское, которые, скорее всего, находились в его собственности и в предшествующие годы<sup>60</sup>.

М. В. Глинский, видимо, также сохранил земли. Из приобретенных до 1547 г. вотчин позднее ему принадлежало село Ильинское в Ростовском уезде. До своей смерти здесь же располагалась вотчинами также его мать Анна (Анисья) Глинская [Стрельников, с. 105–106]<sup>61</sup>.

Несмотря на очевидную вину, в опале они находились очень короткое время. 5 ноября в Москву поступили сведения о побеге. В погоню за ними был отправлен отряд во главе с князем П. И. Шуйским. Эпопея с их поимкой или добровольным возвращением в Москву не могла ограничиться несколькими днями. Тем не менее уже к 9 декабря была составлена поручная запись, по которой И. И. Пронский был выручен у пристава.

Особенностью ситуации был исключительно высокий статус обоих вельмож. Оба они были боярами, а М. В. Глинский являлся дядей самого Ивана IV. Упоминания о поручной записи по Михаиле Глинском отсутствуют в Царском архиве, хотя вопросу об «измене» близкого царского родственника должно было уделяться особое внимание. Не исключено, что он даже не попал в опалу. В официальном Летописце начала царства причины произошедшего инцидента объяснялись не слишком убедительно: «от неразумия тот бег учинили были, обложаясь страхом князь Юрьева убийства Глинского»<sup>62</sup>. Убийство Ю. В. Глинского толпой москвичей произошло в июне 1547 г., за несколько месяцев до этого события, и вряд ли могло рассматриваться в качестве побудительного мотива.

Трудно определить действительные причины побега. Не исключено, что в их основе лежал страх мести со стороны приближенных юного Ивана IV, пострадавших в предыдущие годы из-за Михаила Глинского и его матери. Князь А. М. Курбский неслучайно характеризовал его как «всеми злему начальник». В Продолжении Хронографа редакции 1512 г. в казни князей И. И. Дорогобужского и Ф. И. Овчинина Телепнева в первых числах января того же 1547 г. прямо обвинялись Глинские: «повелением князя Михаила Глинского и матери его княгини Анны»<sup>63</sup>.

После московского пожара 1547 г. М. В. Глинский утратил свои позиции, хотя и сохранил за собой боярское звание. Вполне закономерно он мог опасаться мести со стороны фаворитов Ивана IV. М. М. Кром отметил, что после ссылки И. П. Федорова в начале января 1547 г. Михаил Глинский получил должность конюшего, формального главы Боярской Думы. К декабрю, возвратившись из ссылки, И. П. Федоров вернул себе должность конюшего, что демонстрировало новый расклад сил в придворном окружении. Он был женат на дочери В. А. Челяднина Марии, матери упомянутого И. И. Дорогобужского. Она приходилась также двоюродной сестрой другому казненному – Ф. И. Овчинину. И. П. Федоров, таким образом, имел основания свести счеты со своим прежним обидчиком [Кром, с. 327–330]<sup>64</sup>. Очевидно, у М. В. Глинского были и другие недоброжелатели, которые могли воспользоваться ситуацией в своих целях.

Иван Турунтай вряд ли имел столь же могущественных врагов. По материнской линии через род Ховриных он в годы боярских распрей мог рассчитывать на поддержку членов разных партий. Его двоюродным братом был И. И. Хабаров, сподвижник князя И. Ф. Бельского. И. П. Фома Головин, другой его двоюродный брат, являлся активным сторонником князей

---

<sup>60</sup> Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века (из собраний ЦГАДА). М., 1992. С. 25; Материалы для истории Звенигородского края. С. 31, 121.

<sup>61</sup> ОР РГБ. Ф. 303/1. № 292, 963; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и в библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 65.

<sup>62</sup> ПСРА. Т. 29. С. 55.

<sup>63</sup> Курбский Андрей. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 22; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 291.

<sup>64</sup> РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 343.

Шуйских. Он получил известность в 1543 г. в эпизоде с оскорблением митрополита Макария, а позднее, после убийства А. М. Шуйского, отправлен в ссылку. В свойстве с ним находились также бояре И. Г. Поплевин Морозов и князь А. Б. Горбатый. К 1547 г. состоялся брак брата царицы Анастасии Никиты Юрьева-Захарьина с Варварой (Дарьей), дочерью И. Д. Владимиров (Ховрина) [Веселовский, 1963, с. 130; Кром, с. 289–291]<sup>65</sup>.

Сам И. И. Пронский в 1543 г., в соответствии с приписками к тексту Царственной книги, поддерживал А. М. Шуйского в выступлении против Ф. С. Воронцова. Его участие в этом деле вызывает вопросы, связанные с тенденциозностью источника и стремлением его составителей задним числом обвинить в «изменах» лиц, которые занимали высокие посты в 1560-е гг. Как бы то ни было, убийство А. М. Шуйского не привело к его падению. В июле 1544 г. Иван Турунтай был воеводой передового полка на Коломне, а в конце 1546 г. выполнял функции наместника в Пскове [Кром, с. 289–291]<sup>66</sup>.

Последнее назначение является весьма примечательным. Псковское наместничество имело высокий статус и было трамплином перед получением боярского звания. Очевидно, в это время в судьбе И. И. Пронского произошли разительные перемены, позволившие воеводе невысокого ранга подняться на новую ступень карьерной лестницы. Вполне вероятно, что этим возвышением он был обязан М. В. Глинскому, который в конце 1546 г. находился в зените могущества. Именно Михаил Глинский вызвал его с женой в декабре 1546 г. в Москву из Пскова на свадьбу Ивана IV с Анастасией Захарьиной-Юрьевой. На этой церемонии, имевшей важное иерархическое значение, Иван Турунтай был дружкой у царицы. Камку за ним должен был нести к церкви его родственник князь И. В. Шемякин Пронский, который по родословному счету был «старше» его. Очевидно, он был признан в Москве старшим в своем поколении среди однородцев. В начале 1547 г. И. И. Пронский закономерно стал боярином. После неудачного побега в Литву князья Глинский и Пронский продолжали поддерживать связи. В 1559 г. И. И. Пронский стал душеприказчиком в завещании М. В. Глинского<sup>67</sup>. Как друг и сподвижник, Иван Турунтай рисковал разделить последствия ответных шагов его недоброжелателей.

Стоит отметить, что осенью 1547 г., согласно припискам к боярскому списку, он был назначен «х Казани», однако вместо этого оказался в ржевских селах, откуда и совершил вместе с Михаилом Глинским попытку побега в Литву<sup>68</sup>. Подобное пренебрежение своими обязанностями вполне могло привести к опале, что лишь усугубляло возникшую ситуацию.

В поручной записи верность И. И. Пронского была оценена высоко. Сумма в 10 000 рублей ранее не встречалась в поручных записях. Поручители должны были иметь веские основания брать на себя риск от возможной измены этого видного вельможи.

Особенностью записи 1547 г. в сравнении с более ранними поручными записями было отсутствие поручителей первой инстанции, что, возможно, объяснялось ускоренной процедурой оформления. Боярин Ф. И. Скопин-Шуйский был непосредственно включен в число поручителей.

Порядок записи имен в целом соответствовал месту поручителей в придворной иерархии, что подтверждает предположение о единовременном привлечении находившихся в Москве членов Государева двора к участию в этом мероприятии. Достаточно четко список поручителей распадается на три части. Первая из них включала представителей придворной знати.

<sup>65</sup> Временник Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1851. № 10. Материалы. С. 89–90; ПСРА. Т. 29. С. 34, 42; Т. 13. Ч. 2. С. 444.

<sup>66</sup> РК 1475–1598. С. 108; Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века. С. 117.

<sup>67</sup> Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века. С. 117; РК 1475–1598. С. 10; ВКТСМ. С. 50.

<sup>68</sup> Назаров В. Д. О структуре Государева двора в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 52.



Маркером выделения группы выступало использование отчеств с окончанием на «вич». Количество носителей таких отчеств было существенно – 18 человек (52,9 % от числа поручителей) и разительно отличалось от предшествующих примеров. В поручной записи 1527 г. насчитывалось пять таких случаев (10,6 %), в поручной 1528 г. – три (10 %).

Отчества на «вич» были присвоены в том числе нескольким недавним новикам из аристократических фамилий – князьям М. П. Репнину, Д. С. и К. С. Шестуновым, И. И. Троекурову, а также Г. В. Шереметеву, которые еще не имели в своем послужном списке заметных достижений.

Представители первой группы в 1546–1547 гг. существенно продвинулись по лестнице чинов. Среди них были окольные Д. Р. Юрьев-Захарьин (февраль 1547 г.), Ф. М. Нагой (июль 1547 г.), Ф. Г. Адашев (декабрь 1547 г.), дмитровский дворецкий Д. Ф. Карпов (июль 1547 г.), казначей Ф. И. Сукин (октябрь 1546 г.), дворецкий Юрия Углицкого С. И. Жулебин (ноябрь 1547 г.). Некоторые другие сделали карьеру в ближайшие годы. К 1549 г. окольными стали С. К. Заболоцкий и А. А. Квашнин. Все они входили в состав правящей группы и принадлежали к тому же кругу, что и сам И. И. Пронский [Кром, с. 349, 350, 352, 467–468, 475]<sup>69</sup>.

В разряде похода на Казань в декабре 1547 г. в составе царской свиты находились пять поручителей: Ф. М. Нагой, Ф. Г. Адашев, Д. Р. Юрьев-Захарьин, Д. Ф. Карпов, Ф. И. Сукин<sup>70</sup>.

Близость поручителей первой группы к персоне царя подчеркивалась их участием в официальных свадебных мероприятиях. В церемониях свадьбы Ивана IV с Анастасией Захарьиной и Юрия Углицкого с княжной Ульяной Палецкой упоминаются Ф. М. Нагой, А. А. Квашнин, Ф. И. Сукин, Д. Ф. Карпов, Л. В. Мансуров, Д. Р. Юрьев, князь М. П. Репнин, А. Ф. Адашев (сын Ф. Г. Адашева), В. С. Карпов, С. И. Жулебин<sup>71</sup>.

С. Б. Веселовский отметил переплетение родственных связей в ближайшем окружении Ивана Грозного. Не стала исключением и поручная запись 1547 г. Двоюродным братом Ивана Турунта был М. П. Головин. В свойстве с ним находились также Д. Р. Юрьев и Ф. Г. Адашев [Веселовский, 1963, с. 130]. Обращает на себя внимание родство князей Глинских и Скопиных-Шуйских. Первым среди поручителей был назван боярин князь Ф. И. Скопин. В своем завещании И. М. Глинский называл его сына Василия дядей. Вероятно, его отец Михаил Глинский, друг И. И. Пронского, был женат на дочери Ф. И. Скопина [Бычкова, с. 300–301].

Трудно сказать, отразились ли отмеченные родственные связи на решении поручителей. Среди них отсутствовали князья Пронские. Наиболее видные их представители, Д. Д. Пронский и И. В. Шемяка, находились среди полковых воевод во Владимире. Значение имели и короткие сроки, в которые составлялась поручная запись, что ограничивало список потенциальных поручителей лицами, присутствовавшими в Москве<sup>72</sup>.

Менее многочисленной и куда менее представительной была вторая группа. В ней находилось всего шесть человек: А. Т. и П. Т. Михалковы, князь С. И. Гагарин, А. З. Посников Сатин, И. Т. Хлуденев и М. М. Старого Милюков. Все они – дворовые дети боярские из «городов», для которых верхом карьеры была служба в полковых головах. Пожалуй, только А. Посников Сатин входил в состав придворного окружения. Его сестра была женой царского фаворита А. Ф. Адашева. В 1546 г. он вместе с ним числился среди стряпчих. Позднее, в январе 1550 г. в походе на Казань первым среди детей боярских «у коня» был записан П. Т. Михалков. В момент подготовки поручной записи указанные дети боярские, видимо, находились в Москве. На

---

<sup>69</sup> РК 1474–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 340; РК 1475–1598. С. 15, 124.

<sup>70</sup> РК 1475–1598. С. 112–113.

<sup>71</sup> Там же. С. 10–12; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 322–329, 338–341.

<sup>72</sup> РК 1475–1598. С. 113.

свадьбе Юрия Углицкого в начале ноября 1547 г. двое из них были «в поезде»: М. М. Старого и И. Т. Хлуденев [Веселовский, 1963, с. 110–111]<sup>73</sup>.

Последнюю часть списка занимали дьяки Ф. В. Огарев, Ф. Угримов Баграков, М. Ф. Воротилов, Третьяк Глебов, Д. Ф. Горин, В. Б. Колзаков, М. В. Козодавлев, И. В. Пух Тетерин, Н. Г. Дятел Мошков. Большинство из них принимало участие в процедуре выбора невесты для Ивана IV, а затем отметились на его свадьбе с Анастасией Захарьиной<sup>74</sup>. Как и в случае с поручной записью по М. А. Глинском 1527 г., привлечение дьяков позволяло быстро набрать недостающую сумму поруки.

В списке дьяков на предпоследнем месте значится имя будущего еретика М. С. Башкина, который неизвестен на приказной службе. В Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради он числился по Боровску. У него, очевидно, были покровители в придворной среде. Его духовным отцом был поп Благовещенского собора Московского Кремля Симеон. Сам он часто бывал в Москве [Зимин, 1952, с. 169–170].

В целом, особенностью записи 1547 г. было, видимо, единовременное привлечение сравнительно небольшого количества лиц, находившихся в Москве в непосредственном окружении Ивана Грозного. Сама поручная запись во многом имела формальный характер. Отсутствие разбивки всей суммы по отдельным поручителям (34 человека) предполагало коллективную ответственность. В среднем на каждого приходилось 294,1 рубля. Вряд ли рядовым поручителям, подобным князю С. И. Гагарину или И. Т. Хлуденеву, не говоря уже о М. С. Башкине, удалось бы внести существенный вклад в общий сбор. Спешка в оформлении поручной записи могла объясняться подготовкой к казанскому походу. 11 декабря, через день после составления записи, царский двор отправился во Владимир для руководства и координации выдвижения полков<sup>75</sup>.

Последствия побега для И. И. Турунта оказались минимальными. Очень быстро он восстановил свое положение и в январе 1550 г. находился среди бояр в свите Ивана IV во время похода в Казань. В том же году боярином стал его родственник И. В. Шемяка Пронский<sup>76</sup>.

\*\*\*

Недостаток информации не позволяет объяснить побудительные мотивы каждого из поручителей. В случаях со знаковыми фигурами – князьями М. А. Глинским и И. И. Турунтаем Пронским – решающее значение сыграла поддержка со стороны Василия III и Ивана IV соответственно. Очень вероятно, что некоторые поручители из числа лиц, входивших в придворное окружение, действовали под давлением великокняжеской (царской) власти. В примере с менее известными в то время братьями князьями Шуйскими на первый план выходили их личные (родственные и поземельные) связи.

Отношения между поручителями и выручаемыми ими персонами могли не иметь длительного характера. В начавшейся после смерти Василия III политической борьбе союз между М. А. Глинским и кланом князей Оболенских, зафиксированный в записи 1527 г., не сыграл роли при его аресте в 1534 г. В 1547 г. Ф. И. Овчинин Оболенский был казнен «повелением князя Михайла Глинского и матери его княгини Анны». Для большинства поручителей по князьям Шуйским стремительный рост карьеры братьев не привел к существенному изменению их служебного статуса.

<sup>73</sup> Назаров В. Д. О структуре Государева двора в середине XVI в. С. 52, 53; РК 1475–1598. С. 123.

<sup>74</sup> Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века. № 4. С. 117; № 6. С. 119–120; № 12–16. С. 121–123.

<sup>75</sup> ПСРЛ. Т. 29. С. 55.

<sup>76</sup> РК 1475–1598. С. 122, 124.

Подводя итоги, стоит отметить постепенное расширение количества участников поручных записей на протяжении первой половины XVI в. Поручная запись 1474 г. по Д. Д. Холмском должна была иметь элитарный характер, ограничиваясь всего восемью участниками. В каждой из рассмотренных поручных записей было задействовано уже по несколько десятков персон. Увеличение числа поручителей закономерно вело к расширению их социального состава. К поруке по И. И. Пронском отдельной группой были привлечены рядовые члены Государева двора.

Эта тенденция, которая получила более широкое распространение в записях 1560–1570-х гг., была связана, очевидно, с ростом числа поручительств. Значение имело также увеличение суммы поруки. Уже в поручной записи 1547 г. размер поруки составлял 10 000 рублей. Во второй половине века эта сумма была несколько раз повторена в поручных записях. В случае с князем И. Ф. Мстиславским в 1571 г. требовалось обеспечить уже 20 000 рублей. К участию в этой записи было привлечено 286 поручителей (некоторые записаны дважды), большинство из которых были выходцами из городских детей боярских. Минимальная сумма поруки в 1560–1570-е гг. опустилась всего до 20 рублей (поручная запись по И. П. Яковлеву)<sup>77</sup>.

Вряд ли при подобном расширении состава участников поручных записей можно было говорить о реальном значении личных связей между ними и выручаемой ими персоной. Исключением в общем ряду является, пожалуй, только поручная запись по князе А. И. Воротынском, где присутствовало большое число детей боярских из Воротынска, Козельска, Мещовска – территорий, где сохранялось значительное влияние князей Воротынских. В большинстве других случаев на первый план выходили иные принципы объединения служилых людей на фоне начавшихся репрессий и разделения Государева двора на опричную и земскую части.

#### **Литература**

- Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. 351 с.
- Бенцианов М. М. Служилые элиты Московского государства. Формирование. Статус. Интеграция. XV–XVI вв. М., 2021. 254 с.
- Бибииков Г. Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 14. Сборник статей по истории СССР XVI–XVII вв. С. 5–28.
- Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. 368 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 541 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.
- Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1952. 498 с.
- Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1981. Т. 87. С. 219–286.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
- Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. 447 с.
- Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. 369 с.
- Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016. 672 с.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. 360 с.

---

<sup>77</sup> Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов. С. 50, 65–79.

Чернов С. З. Великий князь Иван и Глинские в 1539–1543 гг. в свете актов на села Черкизово и Звягино // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. М., 2015. С. 466–468.

Stefanovič P. S. Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? // Cahiers du Mond Russe. 2005. Vol. 46. No. 1–2. P. 277–284.

#### References

Bentsianov, M. M. “Knyaz’ya, boyare i deti boyarskie”. Sistema sluzhebnykh otnoshenii v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. [“Princes, Boyars and Deti Boyarskie”. The System of Service Relations in the Muscovite State in the 15<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, 2019. 351 p.

Bentsianov, M. M. Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva. Formirovanie. Status. Integratsiya. XV–XVI vv. [The Service Elites of the Muscovite State. The Formation, Status and Integration. The 15<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, 2021. 254 p.

Bibikov, G. N. K voprosu o sotsial’nom sostave oprichnikov Ivana Groznogo [To the Question of the Social Composition of the Guardsmen of Ivan the Terrible]. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Moscow, 1941. Issue 14. Sbornik statei po istorii SSSR XVI–XVII vv. Pp. 5–28.

Bychkova, M. E. Russko-litovskaya znat’ XV–XVII vv. Istochnikovedenie. Genealogiya. Gera’дика [Russian-Lithuanian Nobility of the 15<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> Centuries. Source Study. Genealogy. Heraldry]. Moscow, 2012. 368 p.

Chernov, S. Z. Velikii knyaz’ Ivan i Glinskii v 1539–1543 gg. v svete aktov na sela Cherkizovo i Zvyagino [Grand Prince Ivan and the Glinskys in 1539–1543 in the Light of the Acts on the Villages of Cherkizovo and Zvyagino]. In *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovaniya i perspektivy razvitiya*. Moscow, 2015. Pp. 466–468.

Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika. Izbrannye trudy [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy. Selected Works]. Moscow, 2008. 369 p.

Korzinin, A. L. Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.) [Sovereign Court of the Russian State in the Pre-Oprichny Period (1550–1565)]. Moscow; Saint Petersburg, 2016. 672 p.

Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Widowed Tsardom”: The Political Crisis in Russia in the 1530–1540s]. Moscow, 2010. 888 p.

Stefanovič, P. S. Otnosheniya pravatelya i znati v Severo-Vostochnoi Rusi v XIV – nachale XVI v.: krestotselovanie kak klyatva vernosti? [The Relations of the Ruler and the Nobility in Northeastern Rus in the 14<sup>th</sup> – the Early 16<sup>th</sup> Century: Cross-kissing as an Oath of Allegiance?]. In *Cahiers du Mond Russe*. 2005. Vol. 46. No. 1–2. Pp. 277–284.

Strel’nikov, S. V. Zemlevladieniye v Rostovskom krae v XIV – pervoi treti XVII veka [Land Ownership in the Rostov Region in the 14<sup>th</sup> – the First Third of the 17<sup>th</sup> Century]. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 360 p.

Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Study on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1963. 541 p.

Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel’tsev [Studies in the History of the Service Landowning Class]. Moscow, 1969. 583 p.

Zimin, A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka [Ivan Peresvetov and His Contemporaries. Essays on the History of Russian Social and Political Thought in the Middle of the 16<sup>th</sup> Century]. Moscow, 1952. 498 p.

Zimin, A. A. D’yacheskii apparat v Rossii vtoroi poloviny XV – pervoi treti XVI v. [The Clerical Apparatus in Russia in the Second Half of the 15<sup>th</sup> – the First Third of the 16<sup>th</sup> Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1981. Vol. 87. Pp. 219–286.

Zimin, A. A. Formirovaniye boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15<sup>th</sup> – the First Third of the 16<sup>th</sup> Century]. Moscow, 1988. 350 p.

Zimin, A. A. Oprichnina [Oprichnina]. Moscow, 2001. 447 p.



*Mikhail M. Bentsianov  
Independent researcher, Yekaterinburg, Russia*

GUARANTEE NOTES OF THE FIRST HALF OF THE 16<sup>th</sup> CENTURY:  
HORIZONTAL CONNECTIONS OF THE MOSCOW MILITARY ELITE

The article raises the question of studying horizontal connections among the Moscow service elite in guarantee notes of the first half of the 16<sup>th</sup> century – for Prince M. L. Glinsky (1527), Princes I. M. and A. M. Shuiskie (1528) and Prince I. I. Pronsky (1547). Based on the study of the guarantors' identities, the features of the relationship between the central government and the court aristocracy and members of the Sovereign's court are shown. Support from Vasily III and Ivan IV played an important role in the decision of the guarantors to support M. L. Glinsky and I. I. Pronsky. In the case of the Princes Shuiskies, less known at that time, when looking for guarantors, personal (family and land) ties came to the fore. The circle of participants in handwritten notes was largely situational in nature and subsequently had no effect on the alignment of forces in the political struggle. A gradual increase in the number of participants in manual recordings was noted. This trend will become more widespread in the 1560s and 1570s.

*Keywords: Russian State, aristocracy, service elite, a guarantee, guarantee notes, political struggle, horizontal connections*